

Олег Васильевич Северюхин
*Личный поверенный товарища
Дзержинского*

В пяти томах. Книга 1. Комиссарша

Олег Васильевич Северюхин
Личный поверенный товарища
Дзержинского. В пяти
томах. Книга 1. Комиссарша

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8017682

ISBN 9785447414610

Аннотация

Студент университета Дон Казанов попал в поле зрения военной контрразведки и был направлен на стажировку за границу в Западную Европу. По возвращению в Россию он зачислен в штат министерства иностранных дел, но работает помощником личного курьера российского царя полковника Борисова, осуществляющего связь с царствующими домами по всему миру. После революции Казанов попадает в тюрьму и им интересуется лично Дзержинский, который отдает его под надзор молодой чекистке и пролетарке по имени Мария. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	43
Глава 10	48
Глава 11	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

**Личный поверенный
товарища Дзержинского
В пяти томах. Книга
1. Комиссарша**

**Олег Васильевич
Северюхин**

© Олег Васильевич Северюхин, 2023

ISBN 978-5-4474-1461-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Северюхин Олег

Глава 1

Всех сидящих за судейским столом я не знал. Видеть видел, но лично знаком не был. Кто же интересно с лицами на иконах личное знакомство имеет?

Председательствовал, конечно, он Сам. Бог. Ему сам Бог велел. Что за ерунда? Председательствовал Иисус Христос, а прокурором был апостол Пётр. Раньше он был Симоном, сыном рыбака и Иисус сказал ему: *«Иди за Мной, и Я тебя сделаю ловцом человеков»*. Вот и я попался в его сети.

– Этот человек не простой грешник, – вещал апостол Пётр. – Это дважды грешник. И имя его – Дон Казанова – символ греха, символ большого греха.

Дон Жуан ненавидит женщин и потребляет их как необходимую для него пищу. Встреча с Дон Жуаном всегда заканчивается трагедией, упадком сил и полосой неудач.

Казанова же любит женщин. Он отдаёт им всё, чем обладает. И Казанова расстаётся с женщинами, но без трагедий, давая им силы для нового счастья. И тот, и другой разбивают женские сердца, оставляя в них сладкую и горькую боль.

Дон Жуан ищет и не находит в женщинах совершенства, а Казанова видит совершенство во всех женщинах. И их обоих ведёт греховный девиз: *«Когда хочешь чего-нибудь понастоящему, можно стать даже Папой Римским»*.

Дон Жуан – вампир. Он соблазняет женщину исключи-

тельно для зарядки энергией. При ухаживании настойчив до настырности и нагл. С самого начала начинает диктовать свои правила игры и подавляет женщину как личность. Много обещает, умеет вызвать интерес, даже страсть. В постели более всего заботится о себе. Всегда уходит первым, оставляя женщину неудовлетворённой.

Казанова – донор. Он ценит женщину и принимает её правила игры. В постели доводит до высшей степени наслаждения и не бросит её первым, а дожждётся, когда она сама объявит о разрыве. Он будет страдать, но вскоре найдёт новый объект для сброса избыточной энергии.

– Так в чем же вы его обвиняете? – спросил председательствующий. – С одной стороны он грешник, а с другой стороны – он безгрешная душа, праведник, можно сказать. В чем же вы его обвиняете?

– Учитель! – воскликнул Пётр. – Если бы он был Дон Жуаном или Казановой, то грех у него был бы один. А он и тот, и другой. Его вина состоит в том, что он не даёт женщинам ни единого шанса избежать греха с ним. И ещё он шпион...

– Ну, шпионаж это не такой уж большой грех, – сказал председатель, – это работа. В чем-то даже похожая на ту, что проводим и мы, приобретая себе друзей и строя царствие своё на земле. Что же предлагаете вы?

– Я предлагаю, – сказал прокурор, – отправить его в ад на вечные времена, пусть он жарится в кипящем масле, пройдёт все круги ада и узнает, как страдают души, погуб-

ленные им.

– Пётр, разве это наказание для него? – сказал укоризненно Иисус. – Наказанием будет его вечная жизнь. Годы и люди будут проходить рядом с ним, он постоянно будет чувствовать боль потери близких людей и мечтать о том, чтобы и его жизнь была такой же короткой, как у всех смертных людей. Пусть живёт вечно.

Глава 2

– Больной, просыпайтесь, – кто-то теребил меня приятными пальцами за щеку.

– Может, он уже умер? – сказал знакомый голос.

– Он ещё вас переживёт и даже не простудится на ваших похоронах, – сказал насмешливый голос, – больной, просыпайтесь же, наконец...

Я открыл глаза. Там, где я был, было безмятежное спокойствие, не нарушаемое звуками улицы. Вокруг была сиреневая дымка, скрывающая что-то там вдали. Почему сиреневая дымка? Не знаю. Любой туман бывает только сиреневым. Присмотритесь.

Около меня сидели два лейтенанта, приставленные ко мне адъютантами моим учеником. Я слышал, как он наставлял молодёжь:

– Он не старикан, а глыба, летопись нашей разведки, начинал во времена Дзержинского и даже ещё раньше. Да что я вас уговаривать буду? Поедете замполитами на пограничные заставы и будете мух бить журналом «Коммунист Вооружённых сил».

Я слушал доносившиеся голоса из-за неплотной прикрытой двери кабинета и думал, где же я это слышал? Да это же я всегда так говорю. Хорошо, что меня только копируют, не дай Бог, ещё и конспектировать заставят. А сейчас эти ре-

бьята сидели у моей постели. Кстати, а зачем? И что я делаю здесь?

Последнее, что я помню, это был мой дом. Вернее, моя квартира. Я сидел у компьютера и пытался вспомнить что-то из моей молодости, чтобы записать это как мемуары. Иногда, знаете ли, бывает у стариков желание оставить молодёжи какие-нибудь умные мысли в наследство в надежде на то, что они будут потом читать это и дивиться, какой мудрый человек был дедушка.

Ерунда всё это. Никто не читает умные мысли. Читают глупые или остроумные мысли, например, такие: не ходи по косогору – сапоги стопчешь. Вот это и есть мудрость, истина, причём изложенная в такой форме, что она запоминается сразу. Автора никто не запомнит, а мысль эту будут повторять везде.

Вот и я сидел у компьютера и трудился умственно по-китайски. Как это по-китайски? А у них есть такая поговорка: для достижения цели нужно активизировать мыслительный процесс до раны в мозгах. Это в переводе звучит так длинно, а сами китайцы выражаются короче. Dao tou shang dong pao tai. Интересно, а откуда я знаю китайский язык? Ладно, потом выясним.

Так вот, я сидел за компьютером, который не так давно освоил. Вот ведь чудо техники. Что неправильно написал, взял, стёр, и продолжаешь дальше печатать. А я помню, как я печатал документы на пишущей машинке «Olympia».

Сделаешь ошибку, останавливаешься, стираешь или соскабливаешь ненужную букву, а потом на это место впечатываешь нужную. А если на место одной буквы нужно впечатать две? Вот тут и начинается искусство. Придерживаешь каретку рукой, чтобы она не ушла на определённое ей конструкцией расстояние, прицеливаешься сквозь прорези для рычага с литерой и нажимаешь кнопку. Бац. И мимо. Начинаем всё с начала. Так как бумага тонкая, то придумали белилку, которая замазывает буквы. При тренировке вставка букв и исправления становятся делом лёгким, даже в какой-то степени интересным.

Так, о чем это я? О компьютере. Что-то мысль моя летает как бабочка с цветка на цветок. Будто хочется всё сказать сразу, а выбрать самое главное и не могу. Так вот, сидел я за компьютером и вдруг почувствовал сильную боль в груди. От боли даже в глазах темнеть стало. Стал я по карманам искать своё лекарство и не нашёл. А потом в глазах всё потемнело, и вот я проснулся здесь.

Я лежал неподвижно с закрытыми глазами и старался вспомнить события недавнего времени, но ничего не вспоминалось. Шёпот ребят стал как-то прояснять положение вещей.

– Слушай, а он случайно снова не того? – сказал один.

– Кто его знает? Годов-то ему сколько, пора бы и честь знать, тут только Бог решает, сколько ему осталось жить, – сказал другой.

– Сколько же ему сейчас лет? – спросил первый.

– Считай сам, – ответил второй, – если ему в тысяча девятьсот семнадцатом году было двадцать шесть лет, то в этом году ему будет ровно сто восемнадцать лет.

– Ну да, люди столько не живут. За это время, столько воды утекло, – сказал первый, – жалко, если старик уйдёт, не написав ничего путного. Вот и мы с тобой тут, чтобы записывать всё, что он скажет. Кстати, аппаратуру ты проверил? Если очнётся, поговорим с ним, а если не очнётся, то надемся так на голову. Всё равно какие-то мысли бродят в его старой голове, а эти мысли дороже золота.

Эх, ребята, знали бы вы, что за мысли бродят в моей голове, так не сидели бы с важным видом рядом с моей постелью. Что ж, становится всё понятнее, что со мной произошло.

Был сердечный приступ, кто-то меня нашёл и вызвал врачей. На инсульт не похоже, так как мозги работают и всё тело шевелится. Похоже, что я всё-таки был там и Божий суд мне не приснился. Суд состоялся. А точно ли Бог сказал о вечной жизни?

Век я уже почти прожил. Я не думаю, чтобы Бог шуточки шутил. Мужик он серьёзный, вдумчивый, сказал – отрезал. Если так, то мне здесь залёживаться нельзя. Нужно что-то делать, раз мне жизнь продлена, и не нужно прислушиваться к организму, так или не так сердечко забилося. Оно и так будет биться, как ему при создании предписано – быстрее, когда тебе страшно и медленное, когда ты весь в истоме от удо-

вольствия.

Я под одеялом тихонько сжал руку в кулак. И почувствовал, что это кулак, которым можно врезать неприятелю, а не слабые старческие пальцы, способные на несильный тычок.

Почему же Бог не продлевает жизни всем, а выбирает только отдельных из них? Возможно, он смотрит на тех людей, от которых будет меньше вреда человечеству, так ведь я и был не божий одуванчик, растущий на полянке. Я был парнем о-го-го каким.

Я попробовал напрячь прямую мышцу живота, её ещё называют прессом и идёт она от рёбер до того места, где находится орган для продолжения рода человеческого. Я почувствовал, что пресс мой существует, что мышцы так же упруги, как и какое-то время назад. Конечно, они не настолько молоды, но позволяют человеку быть независимым в обслуживании самого себя.

Дельтовидная мышца и большая грудная мышца тоже имеют достаточную упругость. Четырёхглавая мышца бедра и икроножная мышца как будто напитываются живительной силой. Мне так и хотелось рывком вскочить с кровати, развести в стороны руки и почувствовать всю мужскую силу.

– Не торопись, – говорил я себе, – всему своё время, у тебя ещё вся жизнь впереди, а то получится как с тем дурачком, которому доверили стеклянный... не помню чего, но знающие люди знают.

В паутине этих мыслей я и уснул.

Глава 3

– Больной, просыпайтесь!

Чьи-то ласковые руки легонько похлопывали меня по щеке. Я взял эту руку в свою и легонько прикоснулся к ней губами, а потом открыл глаза.

Рядом со мной на табурете сидела моя постоянная медсестра, женщина лет тридцати пяти, я не скажу, что она красивая, но приятная на вид.

– Просыпайтесь, больной, – тихо произнесла она, – нужно покушать и привести себя в порядок. Завтра предполагается комиссия по вашей истории болезни.

Я посмотрел вокруг и увидел синеву ночи в окнах.

– Сколько сейчас времени? – спросил я.

– Около двух часов ночи, – устало сказала сестра.

Понятно, «собачья вахта», прошёл обход дежурного врача, все спят, а кому-то нужно бодрствовать.

Я ел больничную еду так, как будто не ел всю жизнь. Аппетит был волчий. Правда что-то побаливало в горле и в носу, но не так сильно. Как будто мне ёршиком прочистили пищевод и носоглотку.

– Не торопитесь, больной, – сказала медсестра, вытерев мне салфеткой уголок рта и поднося очередную ложку с пищей.

– Какой я больной, я здоровый, – хотелось сказать мне, –

у меня даже мысли стали другие. Мне, например, нравятся ваша грудь, которая открывается, когда вы наклоняетесь, и мне хочется обнять вас за спину и запустить руку под юбку.

Мысли вполне нормального здорового человека. И уж я знаю, для чего человеку нужны руки особенно в тех местах, которые закрыты женской одеждой.

Возможно, что медсестра уловила мой взгляд на её грудь. Она слегка покраснела и прикрыла вырез халата.

– Что ты прикрываешь, девочка, – думал я, – всё равно под халатом у тебя почти ничего не надето. Распахни халат, и ты вся моя, – но мысли старого человека спрашивали меня, – а что ты будешь делать с ней?

– Сделаю что надо, – говорил я новый, – я тебе докажу, что ты отстал от жизни и что вся жизнь заключается именно в этом. Если человек не хочет женщину, то он уже не хочет ничего.

После еды медсестра подложила под мою голову большую салфетку и поднесла к моёму лицу зеркало. На меня смотрела бородатая физиономия с включенными волосами. Неужели это я? Я никогда не носил бороду и всегда ухаживал за своими, ставшими в последнее время редкими, волосами.

– Кто это? – вырвалось у меня.

– А вы приглядитесь внимательно, – улыбнулась женщина.

– Сколько же я здесь нахожусь? – спросил я.

– Больше месяца, – ответила медсестра, – лежите спокой-

но и я избавлю вас от этого страшного человека, который сидит в зеркале.

Я закрыл глаза и отдался во власть её рук. Мягкостреко-чущая маленькая машинка с лампочкой сбривала растительность с моих щёк, щекотала верхнюю губу, залазила в нос, прикасалась к ушам, к затылку. Заботливая рука приподняла мою голову и дула на меня приятным мятным запахом с лёгким ароматом жареных котлет.

– Котлеты сами жарили? – спросил я.

– Ага, – машинально ответила медсестра и смутилась, – а что, пахнет котлетой?

– Не волнуйтесь, – успокоил я её, – пахнет женщиной, настоящей женщиной. Ну, что, посмотрим, кто там в зеркале?

Я посмотрел в зеркало и удивился. На меня смотрел гладковыбритый усатый мужчина в возрасте от сорока до пятидесяти, максимум до пятидесяти пять лет, шатен с густыми волосами, слегка тронутыми сединой. Конечно, он прогнал того страшного человека с бородой.

– Нравится? – спросил я.

Медсестра утвердительно кивнула головой.

Я притянул её к себе и обнял. Я чувствовал силу в своих руках и крепко держал женское тело, доверчиво прижимавшееся ко мне. Вдруг это тело встрепенулось, словно птица, попавшая в силки, и начало вырываться из моих объятий.

– Чего ты ждёшь? – сказал Дон Жуан. – Припечатай её к матрасу и сделай своё дело. Ей это понравится, хотя она

и будет проклинать тебя.

Разве это можно? – вопрошал меня Казанова. – Отпусти её и дай всему идти своим чередом – она от тебя никуда не денется.

Разумное одержало во мне верх. Я ослабил объятия, и медсестра выскользнула из них, оправляя свой слегка помятый халатик.

– Почему? – тихо спросил я.

– Как почему? – так же тихо ответила мне медсестра. – Вы что, забыли, сколько вам лет? Вас только вчера вечером вывели из состояния клинической смерти, а до этого вы целый месяц находились в коме. Я не знаю, что с вами случилось, вы очень сильно переменились, помолодели что ли, но если вы умрёте в моих объятиях, то мне никогда не вылезти из той тюрьмы, в которую меня упрячут за убийство такой важной персоны как вы.

– Но..., – начал я.

– А вот «но» подождёт до решения врачебной комиссии, – сказала медсестра, собрала цирюльные принадлежности и ушла.

Глава 4

Утром меня снова будили. Я перестал просыпаться ни свет, ни заря. Утром я спал сном человека, который тратит много сил ночью и добирает их за счёт утреннего сна.

– У вас полчаса на приведения себя в порядок, – сказала мне новая медсестра, – давайте я помогу обтереть ваше лицо и руки мокрым полотенцем.

Удивлённо посмотрев на неё, я встал и легко прошёл к умывальнику, где из всех туалетных принадлежностей было только казённое мыло в казённой мыльнице. Умывшись и прополоскав рот, я сделал несколько физических упражнений, уловив удивлённый взгляд медсестры.

– Будьте любезны дать мне что-нибудь на завтрак, – попросил я её.

Медсестра пулей вылетела из палаты и минуты через три вернулась с молодым врачом.

– Больной, немедленно в постель, – скомандовал врач.

Я лёг с некоторым чувством недовольства, как и все больные, у которых прошёл кризис, и которые считают, что врачи просто придираются, чтобы показать свою значимость, а всё лечение прошло только благодаря выносливости пациента.

Когда есть опасность для жизни, все с надеждой смотрят на врача, а когда опасность проходит, то больной становится большим докой в вопросах медицины. Так и я с интересом

поглядывал на молодого доктора.

Доктор измерил давление, пульс, при помощи стетофонендоскопа внимательно и в разных местах груди прослушал моё сердце, потыкал пальцами в грудь, ноги, посмотрел икроножные мышцы, потрогал бицепсы и о чем-то задумался.

– Доктор, – спросила медсестра, – больной попросил покушать, что ему можно?

Доктор посмотрел на медсестру.

– Что ему можно, – повторил он её вопрос и сам же на него ответил – по-моёму, ему можно всё.

Медсестра ушла, а доктор обратился ко мне.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он.

– Прекрасно, доктор, – ответил я, – как будто заново родился.

– Да, заново родился, – медленно произнёс врач, – но ведь такого не бывает. Вы представляете, что мне придётся докладывать комиссии? Я даже не знаю, как всё это объяснить, меня же дисквалифицируют. Я помню, каким вы поступили к нам. По физическому состоянию вы полностью соответствовали своему возрасту.

– Не волнуйтесь, доктор, – попытался я его успокоить, – когда нет никаких объяснений, то всегда уповают на потусторонние силы. Но мы с вами люди грамотные и прекрасно знаем, что никаких потусторонних сил нет, просто есть неразгаданные возможности организма, активизируемые внешним воздействием или способностью человека самостоятельно

мобилизовать их. Давайте остановимся на том, что произошла самомобилизация духовных и физических сил пациента.

– Кто же в это поверит? – как-то неуверенно спросил доктор.

– Поверят, – достаточно уверенно сказал я, – я сам это подтверждаю, а они пусть попробуют доказать обратное. Один дурак может поставить в тупик сто мудрецов. Считайте, что это я и есть.

В палату вошла медсестра с подносом в руках.

– Не составите компанию? – кивнул я на поднос.

Доктор отказался, а я набросился на нехитрую больничную еду как на изысканные блюда, которые готовили только для меня и по моим пристрастиям. Я бы съел ещё три раза по столько, но доктор меня остановил, сказав, что с набитым желудком организм работает с нагрузкой, а мне нагрузки противопоказаны. Это мне-то нагрузки противопоказаны? Да я готов горы сдвигать!

В палату вбежала старшая медсестра, быстро осмотрела углы, поправила полотенце на вешалке и встала в сторонке.

Дверь в палату открылась и вошла толпа людей в белых халатах. Именно толпа. Человек пять-шесть профессоров, определял по возрасту, столько же больничных светил и человек пятнадцать студентов с тетрадками.

Профессора сели на принесённые студентами стулья и уставились на меня. Я тоже с интересом смотрел на них.

Пауза стала затягиваться, так как люди ожидали увидеть одно, а видят другое.

– Так, – сказал один профессор, – а сколько вам лет?

– По паспорту или по внутреннему календарю? – уточнил я вопрос.

– Да и так, и так, – согласился профессор.

– По паспорту я 1891 года рождения, а по внутреннему календарю – лет сорок с небольшим, – чётко ответил я.

Студенты прыснули. Профессор строго посмотрел на них.

– Коллеги, попрошу быть серьёзнее, – сказал он, – мы имеем дело с уникальным явлением, больной правильно называет свой возраст, мой дедушка знал его молодым, а наяву мы видим совершенно другой, восстановленный организм. Мы на пороге величайшего открытия современности и ваше присутствие здесь вы должны расценивать как высшую степень доверия и сопричастности к большой науке.

Повернувшись ко мне, профессор спросил, заглянув в историю болезни:

– Как чувствуете себя Дон Николаевич?

– Спасибо, профессор, очень даже хорошо, нежели перед поступлением в больницу, – ответил я.

– Давайте-ка мы осмотрим вас, – сказал профессор. – Раздевайтесь полностью и не стесняйтесь, здесь все медики, а вы человек уникальный, пусть люди учатся, будущие профессора и мы им должны передать свои знания. Так?

– Так, профессор, – сказал я, снимая длинную рубашку.

В какой-то степени я чувствовал некоторое смущение от присутствия молодых и симпатичных девичьих мордашек, а с другой стороны стеснительность мужчины перед женщиной и женщины перед мужчиной частенько убирает самые яркие оттенки нашей жизни.

Глава 5

Целый день я подвергался осмотрам и анализам. Всю эту кухню рассказывать не буду. Это в кино доктора в белых халатах и с умным видом решают, кого и как будут лечить. А на деле это грязная и рутинная борьба за человеческую жизнь с постоянной ответственностью за то, что человеческий организм перестаёт сопротивляться и тогда наступает пора следственных работников от медицины и правосудия решать, а так ли лечили больного, а вот если бы так, то он бы и выжил.

Следственные работники берут на себя функции Бога в теории и решают, кого звездануть по лбу чашкой весов Фемиды, а по кому промахнуться. Утрированно говоря, врачи – это как автослесари, только в белых халатах для стерильности. Та же разборка и чистка механизмов, замена изношенных частей, наладка системы зажигания, подачи топлива и тормозной жидкости.

К вечеру я был настолько измучен, что еле дождался, когда закончится капельница с поддерживающим раствором из глюкозы с калием и магнием.

Только сняли аппаратуру, как я сразу уснул. То ли я спал, то ли не спал, но мне казалось, что я бреду темной ночью по какому травянистому лугу, спускаясь в душные овраги и поднимаясь на поверхность. Небо тёмное-тёмное и на нем

нет ни единой звёздочки, нет луны и не видно облаков. Возможно, так вот и выглядит преисподняя и неизвестно, что ждёт меня впереди.

Пробуждение было похоже на падение в глубокую яму, из которой я пытался вылететь как птица и всё-таки вылетел на белый свет. За окном светило солнце, было тихо и спокойно. Я прикрыл на несколько минут глаза и снова уснул. Меня разбудила дежурная медсестра с термометром.

– Дон Николаевич, – прошептала она, – помолитесь за меня и за мою дочку. Чтобы Бог дал ей хорошего мужа, и чтобы в моей жизни появился стоящий мужчина, а не козёл, которых много шатается по пивным да валяется под заборами.

– А ты-то сама чего не молишься об этом? – так же шёпотом сказал я.

– Я-то молюсь, да видать Господь мои слова не слышит, много баб, таких как я, о счастье своём просят, может, он что-то и делал для меня, да товарки мои моё счастье и перехватили. А вы к Господу ближе нашего, помолитесь, а, – умоляла она меня.

– Ладно, помолюсь, – сказал я и снова прикрыл глаза.

– Не хватало ещё, чтобы из меня делали святого, тогда вообще проходу не будет, а по моей специальности особая слава не положена, как и известность, – думал я в полудрёме, – это если прогоришь как швед под Полтавой или совершишь деяние как гетман Мазепа, то тогда на весь мир прославишься. Лучше уж жить потихоньку, да дело своё делать.

Я не слышал, как у меня забрали термометр. Я спал. Спал спокойно, как после трудной недели, отдыхал, набирался сил и настроения.

Новый день принёс новые обследования и анализы. Меня просматривали в томографе, прослушивали при помощи эхокардиографии, смотрели во все дырки, можно сказать, что не было уголка организма, куда бы ни заглянул пытли- вый глаз врача. Одна душа осталась нетронутой.

Монотонность больничной жизни была нарушена приходом моей феи, которая привела меня в божеский вид. Когда человек живёт очень долго, то он поневоле остаётся совер- шенно один, теряя всех своих родных. Об этом мне и гово- рили на Суде, предрекая мне и в оставшуюся жизнь терять всех близких людей.

Дон Жуан меня толкал к ней, а Казанова говорил, чтобы я не делал новых привязанностей, с которыми трудно расста- ваться. Я приказал им замолчать и решил, что я буду делать так, как велит мне моя душа.

– Здравствуйте, Дон Николаевич, – сказала она и стала доставать из сумки разные свёртки.

– Здравствуйте, Катерина, – поздоровался я, – а что это такое?

– Как что, это обыкновенная человеческая пища соб- ственного приготовления, – ответила она.

– Но..., – начал было я.

– Никаких но, – сказала Катерина, – я знаю, что о вас неко-

му позаботиться, и эту вакансию заняла я.

– И вас не тревожит мужское непостоянство? – с усмешкой спросил я.

– Не тревожит, – твёрдо сказала Катерина, – от хорошей бабы мужик не гуляет.

Два чёртика в моей душе укатывались со смеху, слыша эти слова.

– Слушай, после сегодняшней ночи ей нужно устроить хорошенький перерыв в отношениях, – шептал мне Дон Жуан.

– Не слушай его, женщину нужно ублажать, пусть она думает, что добилась всего, что хотела, и не нужно давать ей возможности разувериться в этом. Пусть ей самой надоест эта бесконечно приторная сладкая жизнь. Если хочешь её удержать около себя подольше, то подбавляй горечь в отношения, – говорил мне Казанова.

– А хорошего мужика никакая баба не стреножит, – отпарировал я Катерине.

– Это мы ещё посмотрим, – сказала она, подавая мне тарелку с чем-то феерическим, похоже, с рыбным блюдом и сложным гарниром.

– А приправы никакой нет? – спросил я.

– Какой приправы? – удивилась Катерина.

– Ты что, не замужем? – спросил я.

– Уже давно не замужем, – ответила женщина.

– Оно и видно, – сказал я, – без рюмочки такая прелесть будет горло царапать.

– Вот, взяла на всякий случай, – и Катерина достала из сумочки микроскопическую аэрофлотовскую бутылочку дагестанского коньяка.

– Ну, со свиданьем, – сказал я, выпил и принялся за рыбу, которая имела вкус мяса. Точно знаю, что ем карпа, а по вкусу как говядина отварная в соусе. Так китайцы делают, у них мясо как рыба и рыба как мясо, зачем они так делают, вероятно, и сами не знают.

– Вкусно, – сказал я с набитым ртом.

– То ли ещё будет, – ответила Катерина.

Поздней ночью, уставшие и обессиленные мы лежали с ней в моей широкой кровати отдельной палаты военного госпиталя. Катерина дремала на моём плече, а я вспоминал...

Глава 6

– Донька, ты руки мыл? – строго спрашивала меня мама.

– Мыл, – говорил я и показывал ладошки, хитро улыбаясь.

– Иди, моё солнышко, сюда, сейчас мы будем пить молоко с чёрным хлебом, – говорила мама, отрезая большие куски хлеба от серого сверху ржаного каравая.

Молоко с чёрным хлебом на полдник было традицией в нашей семье, и я всегда любил взять горбушку, откусить от неё и запить жирным и вкусным молоком, которое каждое утро приносила молочница из крайнего дома в дачном посёлке.

– Какими успехами похвастаетесь сегодня, молодой человек? – спрашивал мой отец в белом кителе министерства путей сообщения, сидя вполоборота к столу и читая «Ведомости».

– Мы поймали большого кузнечика, – говорил я, разбрызгивая молоко и стараясь быстрее прожевать хлеб и ответить папе свободным ртом. – Он имеет сильные ноги и крылья. Он высоко подпрыгивает и включает крылья, совершая дальние полёты. Папа, а человек может сделать для себя вот такие же ноги и крылья, чтобы передвигаться быстрее всех людей на свете?

– Зачем это ему быть как кузнечику? – деланно возмущался мой отец. – В Москве родился миллионный житель. Это

что же будет, если миллион человек будет иметь такие механические ноги и крылья как у кузнечиков? Это будет столпотворение в воздухе. Многие люди попадают и порасшибают себе головы. Вот когда мы достроим транссибирскую магистраль, то людям не нужно будет прыгать и летать, они сядут в тёплый и уютный вагон и спокойно поедут к Тихому океану. А что у вас нового из греческого?

– А ничего нового из греческого нет, – скороговоркой ответил я, потому что увидел моих приятелей, дожидавшихся меня за забором. – Началась греко-турецкая война. Греческий король Оттон Первый решил возродить Византийскую империю и вернуть Константинополь...

– Молодой человек, – поперхнулся молоком отец, – откуда вы такое услышали? Вам нужно поступать в первый класс гимназии, а не заниматься мировой политикой...

Но меня уже не было за столом, мы бежали собирать ватагу, чтобы на плотках выплыть на середину пруда и закричать: «Сарынь! На кичку». Что это такое, мы не знали, но предполагали, что это клич пиратов для атаки.

Плоты были хлипкими, и стоило кому-то из команды ступить шаг не туда, как угол плота начинал медленно тонуть, заставляя всех нас уравнивать «дредноут».

Все морские бои заканчивались тем, что все команды были в воде и грязными, как мальчишки из простых семей, так и из семей интеллигенции, одетые в матроски с гюйсами и полосками на них. Всем скопом мы пытались отстирать

наши матроски, но получалось ещё хуже. Грустные мы шли по дачам, придумывая небылицы о том, как мы нечаянно упали в воду...

Студенты технического университета были одеты в мундирный сюртук с бархатными петлицами и погончиками с вензелями на плечах. Ни дать, ни взять военное сословие. Мы сидим в огромном лектории и слушаем лекцию профессора кафедры механики:

– Паровая машина – это старейший тепловой двигатель. Первая промышленная паросиловая установка в России была построена в 1765 году. Несмотря на низкий коэффициент полезного действия паросиловой установки, она обладает прекрасными тяговыми характеристиками и поэтому имеет и будет иметь в будущем огромное значение для развития мировой техники.

– Профессор, – закричал один наш студент, – зачем нам изучать устаревшую технику, когда вокруг нас век бензиновых двигателей и электрических машин? Паровая машина – это всё равно, что каменный топор древнего человека...

– Мне нравится ваш юношеский максимализм, – сказал с улыбкой профессор, – но при помощи чего вырабатывается электрическая энергия? Правильно, при помощи паровой машины. Скоро мы поставим на службу человеку энергию ветра, воды. Но для того, чтобы решить эти задачи, нам нужно знать основы техники, идти от простого к сложному, потому что в изобретениях наших предков ещё много нерас-

крытых нами тайн.

Труды великого Леонардо да Винчи опередили его время и ждут своих инженеров. Автоматика древности ждёт своей реализации.

Никто в мире не собирается делиться своими изобретениями и открытиями. Делятся тогда, когда утаить это уже невозможно. Так кто же может определить важность того или иного изобретения для человечества? Правильно – инженер и не только инженер, но человек грамотный и эрудированный. То есть человек, не считающий любые знания бесполезными.

Кто ответит на вопрос, с помощью каких орудий наши древние предки делали наскальные рисунки. Как в отсутствие металлов они могли резать камень? Не знаете? И я не знаю, но я хочу узнать, чтобы использовать утерянные знания древних в сегодняшнем дне. Не все из вас станут инженерами, кто-то пойдёт по военной линии, кто-то по учительской или административной стезе, но все из вас будут грамотными людьми, способствующими техническому процветанию нашей родины. Так, на чем мы остановились?

Практика на заводе. Участвовали в разборке огромной электрической машины. Какой огромный человеческий труд вложен в неё. Нашли неисправность – расплавленный провод в одной из обмоток статора. Сварка бронзой. Изоляция. Сборка машины. Включение. Работает.

– Спасибо, господа студенты, – говорит нам главный ин-

женер, – душа радуется, глядя на вас...

Свидание со «смолянкой» Натальей.

– Чем от вас пахнет, Дон? – сморщив носик, спросила она.

– Машинным маслом, – с восторгом начал я рассказывать о нашей технической победе.

– Вы пахнете как мастеровой, а это неблагородно, – настаивала меня девушка.

– Извините, Наталья, но дела требуют моего срочного присутствия у моих домашних. Я вам напишу, – сказал я Наталье, проводив ее до Смольного института. У дворян свои понятия о том, что благородно, а что неблагородно, в среде интеллигенции свои...

– Дон, ты спишь? – спросила меня Катерина.

– Угу, – ответил я, – спи, спи, дорогая...

Глава 7

Английским языком со мной занимался папа, учившийся и работавший какое-то время в Англии, а французским – мама, учившаяся у гувернантки-француженки. Немецкий язык изучал в университете, совершенствовал в научной командировке на заводах Круппа.

Перед командировкой папа познакомил меня со Станиславом Сергеевичем, своим давним приятелем.

– Станислав Сергеевич работает в военной контрразведке, – предупредил меня отец, – поэтому отнесись серьёзно к тому, что он скажет.

– Хорошо, папа, – смиренно сказал я, лихорадочно сообщая, что от меня понадобилось этой контрразведке.

Разговор проходил в папином кабинете. Тет-а-тет. За чашкой чая.

– Дон Николаевич, – сказал мой собеседник, – о вас только хвалебные отзывы, поэтому я обойдусь без всяких предисловий и спрошу прямо: вы хотите помочь России?

– Конечно, – ответил я, – только чем?

– Россия отстаёт от западных стран по многим показателям и отстаёт очень сильно, – сказал Станислав Сергеевич. – И дело не в том, что у нас не хватает своего ума. Ума у нас хватает, да вот только у тех, кто определяет приоритеты нашего развития, совершенно другие понятия о прогрессе.

се и о месте России в современном мире. Пальцем указывать не будем. История пригвоздит их к позорному столбу. Всех, даже не сомневайтесь в этом, Дон Николаевич.

Наша задача – обеспечить Россию данными для работы наших инженеров, чтобы не отставать от всего мира.

Я уже предвижу ваши возражения – и скажу, что все страны занимаются этим, и никто не считает это зазорным. Я уж не говорю про Японию, которая скупала всё, что казалось парадоксальным, и вышла в число передовых в мире.

Даже английские джентльмены, коими восхищается ваш папенька, не считают недостойным положить в карман бумажку с патентом или изобретением. И они же презрительно говорят об этом – шпионаж. Это не шпионаж – это разведка. Вот и я предлагаю вам попробовать себя на этом поприще. У нас пока нет академий разведки, вам придётся самому осваивать азы этой науки, а основы мы вам расскажем перед отъездом. Осмотритесь, наберитесь опыта, заведите связи, почувствуйте жизнь за границы. Больше нам ничего не нужно.

– Станислав Сергеевич, – сказал я, немного подумав, – на университетскую стипендию не получится почувствовать и завести связи. Да и в одиночку работать трудно.

– Резонно, молодой человек, – сказал контрразведчик, – для этих целей мы будем переводить вам определённую сумму как помощь от родителей, а за вами будут приглядывать наши люди, которые придут на помощь, если она вдруг по-

требуется. Но только в крайнем случае. Ну как, по рукам?

И мы пожали друг другу руки. Так я вошёл в святилище.

Теоретический курс перед отъездом так и остался теоретическим курсом. Реальность была другой.

Германия встретила приветливо. Бесплатный работник был нарасхват, благо преподаватели наши поработали с нами немало. Я всё впитывал в себя как губка. Не отказывался ни от какой работы. Смотрел, как организуют работу мастера, сменные инженеры, как выполняется та или иная операция, как организуется работа отдельного рабочего...

На меня смотрели как на русского. Немцы – люди прижимистые. Если пригласят в гости, то всё будет отмерено по граммам по заранее высказанным пожеланиям, а когда ты приглашаешь их, то обязательно спрашивают, а пельмени с борщом будут?

Не будут, потому что в Германии их никто и не умеет делать, а заказывать в ресторане накладно, да и кто его знает, как они приготовят. Поэтому я и принимал своих гостей в ресторанчике. Когда платишь не ты, то и вино становится вкуснее и компания приятнее. Так, за приятной беседой с возлиянием мне и досталась структура присадок для оружейной стали. Память молодая хорошая, но и она со временем стирается, поэтому я сразу после возвращения в свою комнату записал всё, а потом зашифровал это в своём дневнике.

Месяц в Германии пролетел мгновенно, и «родитель» мой

дал согласие на путешествие по Австро-Венгрии. Я пил пиво в Чехии, ел их тушёное мясо, но всё равно тосковал по нашей русской кухне. Пусть не обидятся на меня представители западной цивилизации, но самая сытная и самая изысканная пища – наша.

В Праге, будучи немало навеселе после «Праздроя», я бросился навстречу понёсшимся лошадям и остановил коляску с молодым офицером и девушкой. Офицер сам бы остановил лошадей, но он не мог дотянуться до упавших вожжей.

Офицером оказался эрцгерцог Фердинанд. Это его так просто зовут, а настоящее имя звучит так Франц Фердинанд Карл Людвиг Йозеф фон Габсбург эрцгерцог д'Эсте, племянник австрийского императора Франца Иосифа и наследник австрийского престола. В коляске находилась его чешская родственница по жене Софии, графиня Хотек и Вогнин. Мы познакомились, и я получил приглашение к императорскому двору.

Я никогда не относился к столбовым дворянам. Отец мой, почётный гражданин, то есть сын человека, получившего за доблесть личное дворянство, хотя и был потомком дворянина, но дворянства не имел. А вот сын его удостоился личной аудиенции императора Австро-Венгрии Франца-Иосифа.

Император поблагодарил меня за спасение наследника престола и наградил рыцарским знаком ордена Фран-

ца-Иосифа – золотым крестом красной эмали, наложенным на двуглавого австрийского орла чёрной эмали с золотом. На центральном медальоне золотые буквы «FJ» – Франц-Иосиф – и надпись в нижней части креста «VIRIBUS UNITIS» (Соединёнными силами).

Император был грустен. Грусть не покидала его с того времени, когда его сын кронпринц Рудольф и его любовница баронесса Мария фон Вечера покончили с собой, так как против их отношений выступал сам Франц-Иосиф.

Рудольф был любимым сыном императора и в его честь назван принадлежащий России арктический остров Рудольфа, входящий в состав Земли Франца-Иосифа.

История с самоубийством влюблённых очень запутана, потому что баронесса застрелилась или была застрелена, и кронпринц застрелился. Историю предали забвению, но с течением времени она то и дело выплывала на поверхность в виде журналистских репортажей или телевизионных сериалов на тему «Всё могут короли».

Вот на таком грустном фоне и с орденом на треугольной ленточке я возвратился из своей первой заграничной командировки.

Глава 8

Я проснулся от ярких солнечных лучей, бьющих прямо в лицо. На тумбочке лежали мои механические часы «Секунда» и на часах было восемь часов. Похоже, что мне просто приснилось, что у меня вчера было, что я пил коньяк, ел рыбу со вкусом мяса, и что на моём плече лежала восхитительная женщина.

Но на стуле рядом с кроватью лежал мой тренировочный костюм любимого тёмно-синего цвета с белыми полосками. Около кровати мои домашние тапочки. На туалетной полочке моя бритва, зубная щётка и моя мыльница с моим мылом. Значит, это был не сон и меня начинает стреноживать женщина.

– Интересно, как это будет происходить, – думал я, начищая зубной пастой свои и металлокерамические зубы. – Сначала заманить вкусным сеном в стойло, потом накинуть хомут, запрячь в телегу и понукать вперёд, натягивая то правую, то левую вожжу. А не выйдет, милочка, – улыбался я, – и не таких, как ты, объезжали...

По существующему тогда положению, да оно и сейчас не изменилось, носить иностранные ордена можно было только с высочайшего разрешения, о чем мы и написали прошение вместе со Станиславом Сергеевичем и послали его по линии военной контрразведки.

Хочу сразу пояснить, что военная контрразведка того времени и военная контрразведка сегодняшнего дня – это совершенно разные стороны совершенно разных медалей.

В военную контрразведку подбирали лучших офицеров, а не всех желающих из числа нижних чинов или даже офицеров, оказывавших услуги секретного порядка.

Нижним чинам вход в эту организацию был закрыт, да и нижние чины редко становились офицерами, они, как правило, выходили в городовые, либо в филёры.

И военная контрразведка не была органом для реализации призрачных амбиций контрразведчиков, не сумевших реализовать себя в военной службе.

Начало второго десятилетия двадцатого века в России ознаменовалось бурным развитием техники, остановленное революцией, но об этом попозже. Во всяком случае, через неделю после отправки моего прошения Станиславу Сергеевичу телефонировали из Петербурга и сообщили дату Высочайшего представления. Я был поражён. В мои годы быть представленным Государю императору! Это была высокая честь. Мои родители были в восторге.

Папа говорил:

– Я знал, сынок, что твоя любознательность и стремление к знаниям будут по достоинству оценены.

В Петербург выехали по Николаевской железной дороге. То, что раньше было достижениями человеческой мысли, сейчас кажется убожеством. Но даже на том уровне россий-

ский сервис министерства путей сообщения был на высоте, особенно в вагонах повышенной классности.

Я первый раз приехал в столицу Российской империи, и она поразила меня своей чопорностью против домашней Москвы.

Представление чинам военной контрразведки происходило по-военному. Станислав Сергеевич оказался Генерального штаба подполковником, в форме он представил меня начальнику особого делопроизводства при отделе генерал-квартирмейстера Генерального штаба, генерал-майору Генштаба Монкевицу Николаю Августовичу. Это был настоящий офицер. Окончил Павловское военное училище, Николаевскую военную академию, прошёл многие должности штабной и командной работы. Послужив в Отдельном корпусе пограничной стражи, он знал, что делается на границах России и что хотят знать иностранные разведки.

Двойное подчинение и военному командованию, и Министерству внутренних дел через Отдельный корпус жандармов делало должность начальника особого делопроизводства дипломатической.

По результатам встречи я понял, что военный мундир для моей последующей работы будет не нужен, но и никто не говорил мне, какую работу хотят предложить. Дифирамбы дифирамбами, но часто за ласковыми словами скрывается горькая микстура. Учебных заведений для подготовки работников спецслужб тоже не было, все учились друг у друга

или у более опытных коллег.

От генерала Монкевица мы поехали за прокатным смокингом для царского представления. Смокинг оказался вполне приличным, тщательно вычищенным, отглаженным, и пришёлся мне впору.

– Ничего, Дон Николаевич, скоро у вас будет свой смокинг, – улыбнулся Станислав Сергеевич.

Уплатив деньги за прокат и доставку смокинга в гостиницу, мы поехали в ресторан поужинать.

– Завидую я вам, Дон Николаевич, – сказал подполковник, поднимая за меня тост с рюмкой чистой водки, – завидую вашей молодости и тому, что вам пришлось заняться этой работой сразу, а не подходя к ней тернистыми путями. Знаю, что придёт пора, когда наших сотрудников будут готовить академии, и мы сами будем учить их, передавая свой опыт. За вас, уважаемый, за ваше будущее.

Глава 9

Представление императору проходило в десять часов в большой зале Зимнего дворца. Сановники, генералы, офицеры, чиновники различных ведомств, партикулярные люди. В числе последних был и я. Почти последним. За мной стояло ещё несколько незнакомых мне людей.

Царь шёл, останавливаясь перед представляющимися. Адъютант со списком шёпотом называл представляющегося. Дошла очередь и до меня...

– Доброе утро, Дон Николаевич.

Дверь моей палаты открылась, и вошёл главный врач госпиталя с каким-то мужчиной в белом халате, накинутом на плечи.

– Ну, что же, – сказал главный врач, – у нас к вам масса вопросов, но не по поводу вашего здоровья, а по поводу вашей возрастной ремиссии, но за этим мы будем наблюдать постоянно. А сейчас можете быть свободны. Вот ваш выписной эпикриз, а с этим товарищем вы, как мне кажется, знакомы.

Так, меня выписали из госпиталя. А кто этот товарищ, убей меня Бог, совершенно не помню. То ли склероз остался, то ли это было так давно, что память на такие расстояния просто не распространяется.

– Дон Николаевич, вы меня не узнаете? – спросил незна-

комец.

– Не припоминаю, – сознался я.

– Да Васнецов я, Дон Николаевич, – заговорил мужчина быстро, как будто я мог прервать его, – помните, нас наружки прихватили, когда я проводил тайниковую операцию.

– Какую? – не понял я.

– На входе в Армянскую церковь..., – уточнил Васнецов.

– Так, помню, я-то открутился от них, а вот ты как? – поинтересовался я.

– Да и я открутился, доказательств никаких, отпустили, – усмехнулся мой гость.

– Сейчас кем, как? – спросил я.

– Да полковник уже, начальник отдела, – скромно сказал Васнецов, – приехал с поручением от директора Службы внешней разведки. Приглашает вас к себе.

– С чего бы это? – удивился я.

– Не знаю, сие нам неизвестно, но приказано оказать вам помощь во всем и сообщить, когда у вас будет время приехать к нему, – сказал полковник.

– Тогда поедем ко мне домой, посмотримся и решим, – сказал я.

Сам Бог мне послал Васнецова. А, может, и не Бог, а его начальник, но новая встреча с Васнецовым должна что-то изменить.

После того случая у Армянской церкви меня перестали привлекать к обучению молодняка. Сказали, – достаточно,

Дон Николаевич, отдыхайте. И как-то после этого сразу стали забывать обо мне. Всё-таки было восемьдесят пять, а потом и поздравлять с праздниками перестали, думали, что умер уже.

Я надел свой спортивный костюм, сложил в полиэтиленовый пакет туалетные принадлежности и готов. Нищему собраться – только подпоясаться.

– Поехали, Васнецов, – сказал я, – тебя как звать-то?

– Сашкой, – сказал он и сразу поправился, – Александр Сергеевич.

– Поехали, Александр Сергеевич, – и я пошёл к выходу.

Внизу ждала «Волга» с водителем.

– Дон Николаевич, я в полном вашем распоряжении, – сообщил Васнецов.

Я кивнул головой. Сел в машину и задумался. Поездка по нынешней Москве сродни поездке на почтово-багажном поезде, останавливаемом на каждой станции и полустанке...

– Здорово, Казанов, – сказал царь.

– Здравия желаю, Ваше Императорское Величество, – отчеканил я так, как меня учил Станислав Сергеевич.

– Отписал мне Франц-Иосиф о твоих подвигах и о том, что возвёл тебя в рыцари своего ордена. Молодец. У меня своего ордена нет, но я жалую тебя потомственным дворянством. Служи честно, Казанов, – сказал царь и двинулся дальше.

– Рад стараться, Ваше Императорское Величество, – закричал я вслед царю.

Ещё через пару минут приём окончился. Ко мне бросились многие сановные особы с горячими поздравлениями. Мало кто удостоился такой беседы с царём, а раз беседа была дольше, чем положено по протоколу, то, значит, человек становится кем-то вроде фаворита. Откуда-то генералы, полковники и люди в расшитых позументами сюртуках узнали моё имя и отчество, пожимали мне руки, поздравляли, приглашали к себе, но распорядитель приёма подошёл и сказал мне, чтобы я шёл за скороходом, который ждёт меня у дверей.

Скороход вёл меня по каким-то коридорам, лестницам и остановился у ничем не приметной двери, кивнув на неё головой. Я постучал в дверь и вошёл.

За дверью находился большой кабинет с огромным письменным столом, приставным столиком на четыре человека, слева стенка-библиотека до потолка (а потолки старорежимные), маленький столик и два кресла у него.

– Уютный кабинет, – подумал я и услышал голос:

– Вот вы какой, Дон Николаевич. Что же, проходите, присаживайтесь в кресло. Я полковник Борисов. Давайте знакомиться...

– Приехали, Дон Николаевич, – вывел меня из задумчивости голос Васнецова.

Машина стояла у моего дома. А у меня ни ключа, ничего.

Вот и приехал, называется.

– Пойдёмте, я провожу вас, – сказал Васнецов, – Екатерине Дмитриевне я позвонил, что привезу вас, так что все дома в порядке.

– Какой Екатерине Дмитриевне? – удивился я.

– Как какой? – в свою очередь удивился Александр Сергеевич. – Супруга ваша, она в госпитале работает.

– Ах, да, – спохватился я, – как-то не привык жену по имени-отчеству величать.

Похоже, что меня треножит не только одна Катерина.

Глава 10

Дверь открыла Катерина.

– Проходите, давно жду вас, – сказала она. – Александр Сергеевич, снимайте плащ, проходите.

Я как бы само собой разумеющееся. Все всё знают. Все в теме, а чего ждать от старика, которому через месяц должно исполниться сто восемнадцать лет? А что от него ждать? Реликт. Дуб. Пень.

Полноте, товарищи и господа лузеры. Я был знаком с первым радио, когда ваших дедушек и бабушек в проекте не было. Неужели вы думаете, что я всегда буду находиться на два шага позади молодёжи. Дудки. Когда я был списан всеми разведками мира, в том числе и нашей разведкой, я был в курсе всех дел и всё при помощи Интернета, с которым я познакомился раньше всех российских пользователей, сразу поняв его безграничные возможности. Но это не для всеобщего обсуждения. Сейчас я должен поступить как волк, который отлучился на минуту, а в его стае уже начали происходить необратимые изменения, спровоцированные молодыми волками, мечтающими о карьерном росте.

– Катерина, что там с моим выходным костюмом? – спросил я довольно неожиданно, поставив в тупик мою новую хозяйку и удивив Александра Сергеевича.

Неожиданный вопрос всегда должен быть наготове. Похо-

же, что у всех было продумано всё, но только не это. Я прошёл в свой кабинет и открыл платяной шкаф. В шкафу пахло нафталином, зелёным чаем и ещё какой-то гадостью, зато не было намёка и на моль, которая как деликатес предпочитает натуральный хлопок и шерсть.

На плечиках висели полтора десятка разных костюмов. За столько-то лет могли и накопиться. Не всё я носил. Со временем и телосложение человека меняется, то он толстеет, то он худеет с возрастом или какой-то болезнью и приходится покупать новый костюм.

Подошёл пока только тёмный шерстяной костюм в белую искорку. Точный цвет даже и трудно назвать, но костюм можно отнести к типу парадно-выходных или для торжественных случаев. Рубашка подошла сразу. Красный в белую косую полосу галстук я привычными движениями завязал «виндзорским» узлом и стал готов к любому делу.

– Вот этот костюм подготовь, – сказал я Катерине и повернулся к Васнецову, – а директору скажите, что завтра готов в любое время.

Я распрощался с ним и переоделся в свою обычную домашнюю одежду – мягкие брюки и тёплую рубашку в виде толстовки с двумя нагрудными карманами. Очень удобно работать в такой одежде, ничего не сковывает движения.

На столе был тот порядок, который я люблю. То есть полный беспорядок, но в этом беспорядке есть своя система, которая скрывает от посторонних глаз нужные мне предме-

ты, находящиеся у меня под рукой. Фотография моей покойной жены стояла в рамочке рядом с моим компьютером. Это плюс для Катерины.

– Что там у нас на ужин? – спросил я Катерину и она, взмахнув руками, унеслась на кухню. Вероятно, я отвлек её от какого-то кулинарного изыска.

В зале был накрыт стол на две персоны. В центре стоял подсвечник. Романтический ужин.

– Ты не против того, что я здесь хозяйничаю? – спросила моя подруга. – Ты мне расскажи, что можно трогать, а что нельзя и вообще, ответь на вопрос, мы будем жить вместе или ты предпочтёшь остаться один?

Правильно поставлен вопрос. Мы не молодые люди, которые только начинают свою жизнь.

Я обнял её и сказал, чтобы она хозяйничала здесь. Я почти тридцать лет жил один и начинаю новую жизнь.

К вечеру позвонил Васнецов и сообщил, что директор будет ждать меня завтра в шестнадцать часов, а в четырнадцать за мной придёт машина.

Я сидел в кресле и смотрел телевизор, Катерина что-то делала с моей рубашкой. На деревянном помосте бесновался лидер демократических либералов и бывший неудобный для всех руководитель Росприроднадзора...

– Станислав Сергеевич дал вам самые лестные характеристики, – сказал мне полковник Борисов, – да и ваше поведение с эрцгерцогом Фердинандом достойно похвалы. Ва-

ша необременённость светом, неглубокие дворянские корни и почти пролетарское происхождение делают вас кандидатом на должность моего помощника. Что вы скажете на это предложение?

– А что я должен буду делать? – спросил я полковника.

– Ничего сложного. Не торопиться с вопросами, и исполнять все мои поручения, – сказал Борисов.

– Тогда я согласен, – сказал я.

– Вот и ладно, – сказал полковник, – именной указ о вашем назначении обнародован не будет, но через две недели жду вас здесь, пропуск на ваше имя будет выправлен, а вот по этому адресу снимете себе квартиру. В пути вот почитайте это, – и полковник передал мне книгу на английском языке, – «Нормандский дом, Плантагенеты, Ланкастер, Йорк, Тюдоры, Стюарты, Ганноверы, Веттины», пригодится, потом расскажете, что поняли.

– Слушаюсь, – сказал я и отбыл в Москву...

– Ты о чем-то задумался, – донёсся до меня голос Катерины. – У тебя всё хорошо?

– Да, всё хорошо, – откликнулся я. – Государственные шуты дают народу понять, что они те, за кого нужно голосовать, а проголосовав, народ убеждается в том, что они голосовали за тех, за кого не хотели голосовать. Когда баранов гонят на бойню, то впереди идёт козёл. Все думают, что раз он так спокойно идёт, то там всё хорошо. А козёл знает, что его выпустят через другие ворота и дадут капусты.

– Злой ты, Дон, – сказала Катерина, – я начинаю тебя побаиваться.

– Смотри сама, – сказал я, – во все времена правду называли злостью, а ещё хуже – клеветой. В царские времена с правдой боролись, при социализме правда была писанной, что не прописано, то неправда, и в демократии мы идём к тому же, что нам завещал товарищ Сталин.

– А что же делать? – спросила Катерина.

– Перестать врать, – сказал я, – перестать обманывать себя. От слова халва во рту слаще не станет. То, что хорошо, оно и есть хорошо, а то, что плохо, то и есть плохо. А мы всё про богоносцев, про дух. Да ведь богоносцев в атаку матом гнали, не богоносцы сами в атаку шли с голыми руками. Это как?

– Не знаю, – призналась Катерина.

– Вот никто и не знает, а делают вид, что знают, а это хуже всего, если бы прямо сказали, что не знают, в какую сторону нам идти, это было бы честнее, – сказал я, – своего ума нет, то варягов на княжение приглашаем, то американцев рынку нас учить.

– А что плохого от того, когда в магазинах всё есть? – спросила моя подруга.

– Ничего плохого в этом нет, но это всё привозное, будем плохо себя вести, отберут. Тот, кто развивает свою промышленность, тот хочет низвести себя до положения колонии, – я не стеснялся Катерины. Если она за меня, то и будет

за меня. Если нет, то быстрее раскроется. Посмотрим.

– Ты говоришь, как противник России, – прошептала она.

– Девочка моя, я, может, больше, чем кто иной другой могу так говорить о своей родине, которой не везёт на руководителей, – сказал я, – но иностранцам нельзя позволять так говорить. Рты им не заткнёшь, но зачем плодить своих иностранцев, пусть уж народ сам скажет, как ему лучше жить.

– Разве можно верить народу? – спросила Катерина.

– Можно, если народу есть с кого брать пример, – улыбнулся я. – У продажных князей и народ-то в основном продажный...

Глава 11

– Вот это будет ваш кабинет, – сказал полковник Борисов. – По соседству со мной. Эта книжная полка отодвигается и открывает дверь в вашу комнату. Но входить будете из другого коридора. Во дворце императора нам ничего не грозит, но осторожность никому не помешает. Что вы почерпнули из данной вам книги, мой друг? Расскажите о Йорках.

– Йорк это – герцогский титул членов королевского семейства, – доложил я. – Йорки спорили из-за короны с Ланкастерами. Сейчас титул герцога Йоркского носит старший сын принца Валлийского, наследника британского престола.

– В основе верно. Наша работа будет заключаться в том, что мы будем связующими звеньями между царственными домами не только Европы, но и всего мира, – сказал Борисов.

– А что, наш император не может написать другому императору? – спросил я.

– Может, – ответил полковник, – но все поступающие письма проходят регистрацию в канцелярии и таким образом становятся документами истории, а кроме того даже информация о том, что пришло письмо от другого императора, может повредить мировой политике вообще. Понятно?

– Понятно, господин полковник, – ответил я

– Обращайтесь ко мне по имени отчеству, оно простое,

Александр Васильевич, – улыбнулся Борисов, – а сейчас вы посвящены в такую тайну, из которой нет добровольного выхода. Запомните это. Вас никто отсюда не выпустит...

– Как это продажный народ? – спросила Катерина.

– Каждый народ достоин своего правительства, – сказал я.

– А ты не думаешь, что это чья-то придумка? – спросила женщина.

– Конечно, придумка, но придумал её очень умный человек, – что-то мне захотелось высказаться. Столько лет меня никто не слушал. – В развращённой Римской империи был развращённый народ. И империя погибла. Возьмём Византию. От чего она погибла? От того, что она расколола христианский мир и оказалась беззащитной перед лицом воинствующего ислама. Где сейчас город багрянородного базилевса Константина – Константинополь? Там же, только это сейчас исламский город Стамбул, столица европейской Турции. Ха-ха-ха! И ещё три раза ха-ха! Турция – это Европа! И Грузия тоже Европа! Держите меня семьдесят человек. Чего людей смешить? Всё делается для того, чтобы снова уничтожить Россию. Слава Богу, нашлись в Отечестве нашем люди, которые сказали: стоять, суки – ещё шаг шагнёте – получите так, что Наполеон вам потом скажет: а зря вы, мужики, выпендривались. Не пойдёт больше Россия кровь свою проливать за Европу. Византия погибла, но она передала эстафету России и предупредила: русские, будьте бдительны!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.